

Дарья Щедрина

**Анатомия
одного
предательства**

Дарья Щедрина

Анатомия одного предательства

«Издательские решения»

Щедрина Д.

Анатомия одного предательства / Д. Щедрина — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-930115-4

Сильно, душевно и просто здорово. Потрясающее чувство, когда читаешь, зная, что все будет хорошо и тем не менее, переживаешь за героев. Сюжет непредсказуем до самой последней строчки, а чувства, наоборот, прекрасно узнаваемые, настоящие. Ульяна Макарова Вы мастер психологического триллера. Захватило и сюжетом, и повествованием, и уровнем яркости. Кимма Вот по переживала, читая эту жизненную ситуацию, темпераментно описанную ... рада хорошей концовке... с уважением... Марина Каменская

ISBN 978-5-44-930115-4

© Щедрина Д.
© Издательские решения

Содержание

Анатомия одного предательства	6
Панцирное сердце	24
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Анатомия одного предательства

Дарья Щедрина

© Дарья Щедрина, 2018

ISBN 978-5-4493-0115-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Анатомия одного предательства

То, что будет скандал, Илья знал, но не ожидал такой бури эмоций от матери. Она нервно ходила из угла в угол по кухне и бросала в него гневные взгляды, как Зевс-Громовержец молнии. Лицо ее покраснелось, брови недовольно изогнулись. Руки были напряженно скрещены на груди с таким видом, будто она еле сдерживает себя, чтобы не навешать ему крепких подзатыльников. Он же, как недавно выпорхнувший из родного гнезда птенец, вдохнувший свободы, почувствовавший упругий ветер под крылом, хорохорился, топорщил перья и восставал против родительской власти:

– Мама, я уже взрослый человек! – твердил он, упрямо сдвинув брови.

– Тебе всего девятнадцать! Какой ты взрослый? – с упреком вопрошала мать.

– Я с восемнадцати лет имею право выбирать президента страны! А девушку себе сам выбрать не могу?

Молча сидевший у стола отец усмехнулся в усы. Не любил он семейных разборок, все проблемы предпочитал разрешать мирно, путем спокойных, вдумчивых переговоров, а не шумных скандалов. Но мать бросила на него отчаянный взгляд, прося поддержки.

– При чем здесь президент, Илья? – решил вступить в сражение отец.

– Выбор президента, к счастью, зависит не только от тебя. Девушку ты можешь выбрать сам, но не такую! – настаивала мама, нависая над сидящим за столом над чашкой давно остывшего чая сыном. – Где ты откопал эту сироту казанскую? Не мог найти девочку из приличной семьи? Обязательно нужно было связаться с детдомовкой?

– Ты ее не знаешь, мама! Иришка очень хорошая, она замечательная...

– Не знаю и знать не хочу! Она тебе не пара! – голос матери начал срываться на крик.

– Лена, успокойся! Побереги нервы, – попытался снизить градус напряжения отец, предупредительно вытянув руку в сторону жены.

– Как я могу успокоиться, если мой единственный сын в 19 лет решил начать совместную жизнь с какой-то бродяжкой?!

– Не говори о ней так! – возмущенно крикнул Илья и вскочил, задев рукой чашку. Та жалобно звякнула и перевернулась, по столешнице растеклась янтарная лужица.

Мать в отчаянье махнула рукой, видимо, исчерпав все аргументы, и села с другой стороны стола, отвернувшись от сына.

– Сынок, конечно, ты уже достаточно взрослый, чтобы встречаться с девушками, – сказал отец. – Встречайся на здоровье, но жить то вместе зачем? И потом, что за новая мода жить вместе до свадьбы? В наше время совместная жизнь начиналась после свадьбы...

Илья усмехнулся. Ну, предки, дают! Вспомнили бы еще времена царя Гороха, когда парень с девушкой до свадьбы только пылкими взглядами обменивались, а первый поцелуй случался у них перед алтарем... Двадцать первый век на дворе! А они пытаются навязать ему свои доисторические взгляды на жизнь. Он взрослый мужчина и все решит сам!

– Костя, – дрожащим голосом попросила мама, – даже не упоминай про свадьбу, я тебя умоляю! Свадьба только через мой труп!

– Вас, родители, не поймешь, то жить вместе можно только после свадьбы, то свадьба только через ваш труп... Хватит закатывать истерику! – Для убедительности Илья хлопнул ладонью по столу, как это делали герои фильмов, сильные, властные, уверенные в себе мужчины. Но получилось как-то жалко и неубедительно, – Я все решил. С завтрашнего дня мы будем с Иришкой жить вместе, потому что любим друг друга.

– И где же вы будете жить вместе? – с некоторой издевкой в голосе, сузив глаза, поинтересовалась мать.

– Здесь, – пожал плечами Илья. А где же еще? Это его дом, другого у него нет.

– Ну уж нет, дорогой мой, – веско, четко проговаривая слова, произнесла мама, словно продавливая их в сознание сына, – это мой дом, и я в него не пушу кого попало!

– Ах, так?! – сын и мать смотрели в глаза друг другу и со стороны казалось, что между ними проскакивают электрические разряды высокого напряжения. Но спустя несколько долгих секунд Илья дрогнул и отвел взгляд. Эту битву мать, как всегда, выиграла. Но сдаваться он не собирался. Уязвленное самолюбие дрожало и вибрировало внутри туго натянутой тетивой. И выстрел прозвучал острым, пронзающим сердце насквозь свистом стрелы:

– Тогда я ухожу.

– Куда? – крикнула она в упрямо выпрямленную спину сына. К возмущению прибавилась крохотная толика испуга.

– К Иришке в общагу, – донеслось из-за закрывающейся двери в его комнату.

Мать бросила на отца растерянный, беспомощный взгляд. Ну, почему, почему всегда так получается? Она же хочет, как лучше! А он в штыки... Девятнадцать лет она, как мастерица-золотошвейка, неустанно ткала-вышивала картину будущего своего горячо любимого единственного сына, вкладывая всю душу, все силы, стежок к стежку, ниточку к ниточке. И вложено уже было так много, что бросить на полпути и пустить все на самотек было совершенно невозможно. Вспышка гнева сменилась удручающим бессилием.

– Успокойся, Леночка! В конце концов пора признать, что наш сын вырос. Ну, хватит уже его опекать, как маленького.

– Но ему же всего девятнадцать! – жалобно всхлипнула мама, сдуваясь, как пробитый стрелой воздушный шар, а отец обнял ее и, поглаживая по плечу, стал уговаривать.

– Все будет нормально, вот увидишь. У него сейчас период гиперсексуальности. Сколько еще будет этих иришек и маришек! Пусть поживет отдельно от родителей, почувствует себя взрослым, самостоятельным. Не пройдет и недели, как прибежит к маме борща поесть, да денег попросить. Ты же его знаешь. А все эти запреты только упрямство с его стороны вызывают. Отпусти его, душа моя, и перестань так сильно волноваться, а то давление повысится.

Спустя десять минут сын и отец стояли на лестничной площадке и разговаривали, но уже совершенно спокойно. Илья тербил в руках лямку набитого вещами рюкзака.

– Илья, – говорил отец, – завтра же я сниму вам небольшую квартирку где-нибудь на окраине города, буду каждый месяц давать тебе некоторую сумму на проживание. На еду вам хватит, а остальное уж сами как-нибудь. Раз ты уж такой взрослый, учись жить самостоятельно.

– Спасибо, батя, ты настоящий друг! – не скрывал своего ликования счастливый Илья.

Все-таки отец у него клёвый. А он то решил уж было, что предки его предали... Мама, она такая, вспыльчивая и упрямая! Переупрямить ее он пока не мог, хотя и старался изо всех сил. В последние годы они часто вот так «бодались» по пустякам, испытывая лбы на прочность. Мать чаще всего оказывалась права, что бесило сына, доводило до белого каления и автоматически, бездумно, усиливало его сопротивление. Но батя молодец, не подвел!

Получив ободряющее дружеское похлопывание по спине, Илья подхватил рюкзак и, прыгая через ступеньку, понесся вниз по лестнице к своей Иришке.

Ночной клуб напоминал космический корабль, недавно вернувшийся из длительной экспедиции, и команда вместе с встречающими бурно и весело отмечали счастливое возвращение. Музыка гремела так, что закладывало уши, а звуковые вибрации проникали сквозь тело ощутимыми пульсирующими волнами. От разноцветных вспышек света рябило в глазах. Илья вел Иру за руку, пробираясь сквозь танцующую толпу молодежи к дальнему столику, где их ждали друзья.

Вот уже два года Илья и Саша с Артёмом были не разлей вода. Постепенно к их компании присоединились девочки, Ира, Ника и Алина. Пользуясь принципом «Бери от жизни все!» ребята, не забывая об учебе, проводили время в модных ночных клубах, зажигали на студенческих вечеринках, устраивали пикники на природе с шашлыками и выпивкой. Но жажда адреналина требовала более острых ощущений. Так однажды, по инициативе Сашки, всей компанией отправились на аэродром и прыгали с парашютом с борта самого настоящего самолета! Пришлось по вкусу и полет в аэродинамической трубе. Спускались под землю в сопровождении таинственного, похожего на бородатого гнома из сказки, диггера Михалыча, и несколько часов блуждали по подземным туннелям метро. Летом планировали всей компанией отправиться на теплое море и заняться дайвингом. Жизнь была ключом, искрилась приключениями и романтикой.

Ника с Сашкой и Тёмка с Алиной неспешно потягивали коктейли и о чем-то разговаривали. Космические пульсации света окрашивали их лица то в красный, то в зеленый, то в синий цвет, делая похожими на фантастических пришельцев с других планет. Первым влюбленную парочку заметил Сашка и радостно замахал рукой.

– Ну, наконец, а то мы уж думали, что вы не придете! – воскликнул он и его круглая физиономия озарилась добродушной улыбкой.

– Что значит не придем? Придем обязательно! Тем более, сегодня у нас праздник, – Заявил Илья, усаживаясь рядом с Ирой на низкий неудобный диванчик. Коленки тут же уперлись в ножку стола. Он по-хозяйски обнял девушку за плечи и чмокнул в висок.

– Что за праздник? – поинтересовалась белокурая красавица Ника, выгнув дугой изящную бровь.

Ира с Ильей переглянулись, словно решая, кому отдать право поделиться новостью? Илья улыбнулся и кивнул головой в ее сторону.

– Ой, ребята, так здорово, у меня просто голова от счастья кругом идет! – защebetала Иришка, – Ильюшин папа снял нам квартиру! Представляете?!

Ее распирало от восторга. Не в силах сдерживать рвущуюся изнутри радость, Ира стала ритмично постукивать ладонями по столу, покачивать головой в ритме с танцполом, а с ее хорошенького личика не сходила счастливая улыбка.

– Вот это новость! – с ноткой зависти в голосе воскликнула Алина, потягивая коктейль через трубочку, и откинула назад копну выющихся рыжих волос. А сидящий рядом верзила Тёмка заорал басом, перекрывая грохот музыки:

– Это надо отметить, братцы!! Клёвый у тебя папахен, Илюха! Я даже завидую.

– Но новоселье то отмечать будете? – круглые, немного на выкате, карие глаза Сашки горели радостным любопытством. Кажется назревал повод для новой вечеринки!

– А то! – Илья откинулся на спинку дивана с довольным видом. Удалось же произвести впечатление на товарищей!

– Пойдемте танцевать! – Ира, приплясывая на месте в такт музыке, поднялась из-за стола и потащила девчонок в центр зала.

Парни допивали свои напитки, обсуждая, как и когда отметят новоселье. Илья же с улыбкой на губах смотрел на танцующих. Хороши у них девчонки: стройные, красивые, модно и стильно одетые. Но все-таки его Иришка была самой красивой девушкой из всех присутствующих! Высокая, тонкая, с длинными стройными ногами, как у модели, с осиной талией. Шелковистая волна русых волос плескалась по спине под ритмичные движения тела. В лучистых серых глазах отражались цветные огни. Она лучше всех, ни у кого такой нет! С гордостью и чувством превосходства думал Илья, любясь своей красавицей. Вся жизнь рядом с ней казалась ярким и бесконечным потоком счастья и всевозможных удовольствий.

Илья откинул голову на подушку. По всему телу растекалась расслабляющая истома. В руках и ногах появилась приятная тяжесть, а в голове легкая, воздушная пустота. И каждая клеточка тела, казалось, пела от наслаждения.

Прежде чем веки смежил приближающийся на мягких кошачьих лапах сон, взгляд его скользнул по комнате: сквозь не задернутые занавески с улицы в заставленную дешевой мебелью квартиру проникал мутный свет уличных фонарей, по стульям и креслу были разбросаны его и ее сброшенные в спешке вещи, пустая коробка из-под пиццы разевала свою картонную пасть под журнальным столиком. Ирка совершенно не умела готовить! Ну, не учили их этому в детдоме. Впрочем, ерунда, всегда можно было сварить пельмени или заказать пиццу.

Он еще балансировал на тонкой, невидимой грани, готовый вот-вот провалиться в глубокий омут сна, когда Иришка приподняла голову от его теплого плеча и, всматриваясь в сонное лицо, шепотом произнесла:

– Илюш, я еще утром хотела тебе сказать, но никак не решалась... У нас будет ребенок. Ты меня слышишь?

– Угу... – промычал он, ускользая из реальности, уносясь в чудесную, волшебную страну снов.

И только отдаленным эхом в сознании пронеслось: «Какой ребенок? Не нужен нам никакой ребенок. Нам и так хорошо вдвоем» ... И Илья заснул, прижав к себе испуганно и напряженно замершую Иришку.

Утром, проснувшись, до сознания Ильи все-таки дошла неожиданная новость. Он сам был единственным ребенком в семье, близких родственников – детей у него не было. Поэтому никаких представлений о детях Ильи не имел, ну разве что из телевизора или, когда проходил мимо детской площадки во дворе, недовольно хмурился, потому что уши закладывало от исходящего от кучки играющих детей гвалта.

Нет, он конечно знал, откуда берутся дети, но как-то не относил это к себе и своей девушке. Известие о ее беременности застало его врасплох. Он совершенно не знал радоваться ему или огорчаться? Поэтому воспользовался принципом Скарлет Охары: решил подумать об этом завтра. Ну, а где завтра, там и послезавтра...

Илья и Ира просто продолжали радоваться жизни без родительского надзора, подставляя лица свежему, бодрящему ветру свободы, упиваясь всеми преимуществами юности и совершенно не заглядывая в будущее, смутные очертания которого маячили где-то в туманной дали.

Валяясь в постели, где теперь проходила значительная часть их жизни, Ира говорила:

– Скоро стану толстой и неповоротливой...

– Нет, не станешь! – восклицал ее возлюбленный, начисто отменяя от себя такую возможность. Представить себе Иришку, стройную как тростинка, с осиной талией, которую он обожал обхватывать ладонями и с чувством глубокого удовлетворения ощущать, как соприкасаются кончики средних и больших пальцев его рук, представить толстой он просто не мог. Юная, свежая, словно солнцем напоенная красота любимой девушки была в его сознании чем-то неколебимым и вечным, как сама Весна.

Представить будущее он не мог и не хотел, поэтому жил одним днем и оставался самым счастливым человеком на свете. Этот счастливый настрой испортил один разговор с друзьями, состоявшийся в очередном ночном клубе, где те любили тусоваться.

Присев за столик к ребятам, Илья прокомментировал отсутствие подруги, которая осталась дома, отговорившись плохим самочувствием на фоне беременности.

– У Иришки токсикоз. Так что я пришел один.

Ему стало смешно, когда лица друзей как по команде вытянулись, глаза округлились, а брови удивленно полезли вверх.

– Ирка что, беременна? – проговорила Ника, удивленно хлопая длинными ресницами.

– Ага.

– Ни фиги себе... – присвистнул Тёмка и откинулся на спинку стула.

– А что тут такого? – поинтересовался Илья, вдруг перестав радоваться произведенному эффекту. Уж больно сильным оказался этот эффект, чего он не ожидал.

Его товарищи стали как-то странно переглядываться, хмуриться, отводить глаза в сторону. Танцевальная музыка слилась в сплошной шумовой фон. Разноцветные лазерные лучи паутиной опутали пространство.

– Что происходит? – воскликнул он, растерявшись от их непонятной реакции.

– Да ничего особенного, – решила ответить за всех Алина, склонившись в его сторону, – кроме того, что мы теряем старого друга.

– Мда, теряем! – скорбно вздохнул Сашка.

– Даже двух друзей сразу теряем! – уточнил Тёмка, грустно качая головой.

– Эй, ребята, что вы меня хороните?! – возмутился Илья. – Я еще не помер и пока не собираюсь! В чем дело?

– Неужели не понимаешь? – Ника смотрела на него с состраданием. – Ребенок еще не родился, а Ирка уже не смогла прийти на нашу вечеринку. А что будет, когда он родится? Знаешь?

Илья сглотнул внезапно застрявший в горле ком. Что будет, когда ребенок родится? Да все будет нормально! У других ведь дети рождаются. И ничего, живут люди. И они с Иришкой не хуже других.

– А будут пеленки, памперсы, коляски, вскармливание по часам, бессонные ночи, сопли, режущиеся зубки и прочее, и прочее... Поверь, я знаю, у меня племяннику два года. То есть, Илюша, кончатся ваши с Иркой ночные бдения в клубах, пикники и гулянки с друзьями, кончится ваша свобода. – Ника говорила так, словно описывала перспективы дальнейшей жизни безногому инвалиду, отныне навеки прикованному к инвалидной коляске.

– Вот и выходит, что друзей мы теряем, – подвел итог Тёмка, – Теряем для своей веселой студенческой жизни, которая бывает только один раз! Похоже, дружище, для тебя и Иры, это счастливое время закончилось безвозвратно. Увы...

– Да идите вы к черту! – вспыхнул Илья. – Каркаете тут, как стая ворон.

Вдруг почувствовав себя дураком, лохом, позволившим так глупо загнать себя в ловушку, Илья вскочил и, нервно махнув рукой друзьям, бросился к выходу из клуба. Он расталкивал, распахивал дергающихся, кривляющихся под нудную электронную музыку танцоров, и задыхался от обиды. Как же так? Те, кого он считал своими друзьями, просто взяли и вычеркнули его из своей жизни, будто он больной, будто от него можно заразу подцепить!

Илья вышел из клуба на улицу и остановился, вдыхая свежий, прохладный ночной воздух. Майская ночь немного остудила его разгоряченную эмоциями голову. Предатели! Ну, и черт с ними, с этими друзьями! Главное, у него была Иришка, а на остальных можно было наплевать. Но крошечный червячок безымянного неприятного чувства уже поселился в его душе.

Он шел по набережной, ощущая, как свежий ветер обдувает щеки, ерошит волосы, задувает в раскрытый ворот куртки. Мимо проносились дорогие, красивые автомобили, яркие огни фонарей и подсветка исторических зданий в центре города создавали радостную, фантастическую атмосферу. И Илья невольно снова воспрял духом. В конце концов на все нужно смотреть с оптимизмом. Да, скоро их с Иришкой жизнь станет другой, более взрослой и солидной. А эти олухи пусть продолжают плясать и кривляться в ночных клубах и заниматься всякой ерундой. Почувствовав себя взрослым, он расправил плечи и выпрямил спину. Он женится на Ире и у них будет настоящая семья. Хм, семья... Надо обсудить это с мамой и папой.

Он вышел на остановку и увидел свой автобус. Последние пассажиры уже рассаживались в полупустом салоне, сонный кондуктор клевал носом на своем месте. Илья припустил бегом и успел впрыгнуть в автобус, когда двери уже закрывались. Он плюхнулся в кресло в углу и устался в окно, за которым проплывал ночной, расцвеченный радостными огнями фонарей и реклам город.

Под мерное покачивание салона автобуса было приятно мечтать о большой и дружной семье. Себя он видел главой, отцом семейства. Рядом, улыбаясь трепетно и нежно, прижималась к нему любящая и преданная Иришка. А вокруг бегали трое, нет, четверо! ребяташек: два мальчика и две девочки. Дети бегали, прыгали, играли, смеялись и заглядывали в глаза отца любящими и восторженными глазенками... А он возвышался над детской кутерьмой солидный и значительный.

Илья улыбнулся своим фантазиям. А как они с мальчишками будут играть в футбол летом, а зимой кататься на горных лыжах?! А девчонок он будет водить в парк на аттракционы и дарить кукол Барби! Окружающие будут с восхищением и завистью смотреть на них и говорить: «Ах, какие молодцы! Такие молодые, а уже четверо детей!»...

Продолжая предаваться своим мечтам, Илья доехал до остановки, где жили родители и, в полной уверенности, что обрадует их неожиданной новостью, вошел в подъезд и поднялся на 8 этаж. У двери в квартиру он почувствовал легкую дрожь где-то на уровне солнечного сплетения, но решительно нажал на кнопку звонка.

И отец и мать были дома. И сын с порога огорошил их радостным известием, сияя гордостью, как начищенная монета. Но гордость и радость окунулись и завязли в неприязненно-осуждающем взгляде матери, словно он был преступником, пойманном на месте преступления:

– Я так и знала, что этим все кончится! У меня были недобрые предчувствия, – деревянные слова падали и ударяли его с сухим, беспощадным стуком.

– Сын, – спросил отец с упреком, – ты каким местом думал, когда?..

– Глупый вопрос, Костя, – ехидно усмехнулась мама, – ясно, каким местом. И вообще, он не думал, а просто получал удовольствие! Думать – это же слишком сложно, надо прилагать усилия. А это не для нашего сына.

Илья смотрел то на мать, то на отца, и чувствовал, как что-то сжимается внутри, суживается. Иллюзорная картинка идеальной семьи, нарисованная в воображении, начала тускнеть и рассеиваться как ночной туман.

– Мам, пап, ну вы чего?.. – пробормотал он растерянно.

– Нагулялся с детдомовской девицей, а теперь решил внука с сомнительной генетикой свесить на нас с отцом? – в глазах матери был антарктический лед, а от слов веяло таким холодом, что Илья поёжился. – Нет, дорогой! Ты сам заявлял, что взрослый и самостоятельный. Вот и веди себя, как взрослый. Завел семью, заботься о ней сам. А я умываю руки! Не о такой невестке я мечтала и не о таких внуках. В конце концов, имею я право наконец пожить для себя? Имею.

Казалось, она разговаривает сама с собой, убеждая и доказывая. Илья взглянул на отца, ища поддержки у него. Но тот только пожал плечами и кивнул на мать. Что, мол, ты хочешь? Вот такая у нас мама.

– Отец будет и дальше оплачивать вам квартиру и давать деньги на проживание до окончания учебы в институте, но на большее не рассчитывайте.

Судья вынес свой приговор, и обжалованию он не подлежал. Горькая обида захлестнула сознание Ильи. Он готов был расплакаться, как маленький, но сжал кулаки и встал из-за стола.

– Ну, спасибо, дорогие родители, за поддержку и понимание. Век вам этого не забуду.

Илья театрално, откровенно кривляясь, раскланялся перед родителями и, громко, так что со стены посыпалась штукатурка, хлопнул входной дверью, на бегу одевая и застегивая куртку. А в голове пульсировала мысль: «Ноги моей больше не будет в этом доме! Никогда!»

А в кухне за столом сидели расстроенные родители. Мать утирала злые, сердитые слезы:

– Вот ведь засранец! А я ведь ему говорила, предупреждала!...

– Лен, может не надо с ним так сурово? – отец посмотрел на нее вопросительно.

– Костя, ты же сам говорил, что надо дать ему возможность стать самостоятельным! Вот пусть и становится. Ему только позволь, он же свесит на нас воспитание своего ребенка, а сам будет тусоваться с друзьями по ночным клубам. И искренне будет считать, что так и надо.

– Наверное, ты права... – тяжелый вздох, вырвавшийся из груди отца, свидетельствовал о том, что согласие дается ему с трудом. – Это я виноват. Мне даже в голову не пришло, что во времена интернета и смартфонов нужно объяснять взрослому сыну, как избежать нежелательной беременности. Как все глупо и нелепо...

– Да если бы он слушал советы родителей, а то: «я взрослый», «я сам все знаю»! Вот пусть сам и выпутывается.

Санта – Барбара какая-то! Думала мать со смесью злости и отчаяния. Из-за банальной, дурацкой, идиотской глупости самоуверенных и упрямых детей рушилась вся жизнь, с таким трудом и упорством создаваемая ее собственными усилиями. Это было равносильно пощечине вместо заслуженной благодарности! Задетая за живое гордость саднила и сочилась кровью. И маятник материнской любви качнулся от гиперопеки в сторону острого желания послать все к черту!

Лето пролетело незаметно в настойчивых попытках начать всамделишную самостоятельную жизнь. Пока все друзья отдыхали на морских курортах, да по заграницам, Илья устроился на непыльную работенку за копеечную зарплату. На большее пока рассчитывать не приходилось, ведь до получения диплома было еще далеко.

Принеся домой свою первую зарплату, он даже почувствовал гордость за себя, так Иришка восхищалась им, так превозносила его способности по обеспечению семьи! Но заряд гордости быстро иссяк вместе с заработанными деньгами. Ни у Ильи, ни у Иры никак не получалось равномерно распределять финансы на месяц. Под конец все равно приходилось звонить отцу и униженно просить выдать следующий транш пораньше.

К сентябрю запал упрямства и самоуверенности кончился, и Илья затосковал. По ночам стали сниться мамини восхитительно вкусные обеды: настоящий украинский борщ со сметаной, бефстроганов в сливочном соусе, мясо по-французски, запеченное в духовке... А Ирка так и не научилась ничего готовить кроме пельменей и макарон. От слова «макароны» к горлу уже подкатывал тошнотворный комок, так они надоели. Он с тоской вспоминал большую, уютную, богато обставленную родительскую квартиру, глядя на постоянный бедлам, странным образом возникавший в их съемной, нищей квартирёнке, даже после уборки.

Друзья уже перестали их приглашать на свои вечеринки и махнули рукой на семейную парочку. Чего понапрасну сотрясать воздух? Все равно откажутся, ведь теперь у Иры часто болела голова, или ее тошнило, или она устала... Не одно, так другое! С легким раздражением думал Илья.

Его настораживало то, что они как-то стали отдаляться друг от друга с Иришкой. Если она себя плохо чувствовала, а это бывало довольно часто, то ей было не до Ильи. А когда чувствовала себя хорошо, то говорила только о будущем ребенке. Его раздражали бесконечные разговоры о том, каким будет малыш, как его назвать, чему учить, в какие кружки водить в школе...

Он тупо смотрел на снимок ребенка, выданный будущей матери после ультразвукового исследования, и ничего не чувствовал. Среди черно-серых разводов на маленьком прямоугольном листочке проступал светлый контур какого-то гуманоида с большущей головой, маленьким телом и крошечными ручками и ножками. И этот гуманоид мой ребенок? Отчужденно думал Илья.

Наблюдая, как исчезает, сглаживается осиная талия его Иришки, как растет живот, он угрюмо вздыхал и отворачивался от неприятной картины. В его голове никак не укладывалась эта анти-метаморфоза. В природе же из уродливой гусеницы получается прекрасная бабочка, а тут было все наоборот...

Хмурый, дождливый октябрь проник, просочился в их убогое жилище, трансформировавшись в частые слезы и капризы Иры, в постоянную молчаливую депрессию Ильи, в упреки и препирательства с взаимными обвинениями: «Я тебе совсем не нужна!», «Нет, это я тебе совсем не нужен!».

Чем ближе был момент родов, тем больше замыкался в своих невеселых мыслях Илья. Он смотрел на нее и не мог поверить, что эта хнычущая тетка с огромным животом, с одутловатым лицом, давно нематыми тусклыми волосами и отечными ногами, это его еще так недавно любимая Иришка! Та самая, веселая, заводная девчонка с длинными стройными ногами, с осиной талией... Куда все подевалось?

Подступали страх и отчаяние. Он не знал, что будет делать с гуманоидом, когда тот родится. Слезы будущей матери выбивали его из колеи, и он молча сжимал кулаки от злости и бессилия. Илья чувствовал себя загнанным зверем, по которому вот-вот раздадутся ружейные залпы.

Довольно большая сумма денег, выданная отцом на покупку всего необходимого ребенку, не обрадовала и даже не успокоила Илью. Он молча сунул деньги в карман, невнятно пробормотал слова благодарности, и поплелся в ненавистный теперь дом. До родов оставалось совсем чуть-чуть.

Смотреть на Иру, превратившуюся в настоящую глыбу под бесформенным балахоном, он не мог, поэтому все больше времени проводил в институте, даже стал завсегдатаем библиотеки. Над чем посмеивались язвительно его друзья.

Как-то после зачета он вышел из аудитории вместе с однокурсницей Снежаной, которая училась в параллельной группе. Он не помнил фамилию этой симпатичной блондинки, которую хотелось назвать Снежинкой, а не Снежаной, такими легкими и светлыми были ее волосы, а голубые глаза льдисто-прозрачными.

– Илья, – Снежана робко взяла его под локоть, едва за ними закрылась дверь аудитории. – Я давно хочу спросить, у тебя что-то случилось? Ты такой... потерянный в последнее время...

В голосе девушки он уловил искреннее сочувствие и сопереживание. А ведь ему давно никто не сопереживал. Он был один, совершенно один со всеми своими проблемами. И так захотелось поделиться наболевшим, что он не удержался:

– Да так... есть повод для депрессии.

– Ты расскажи, Илья. Вдруг я чем-нибудь смогу помочь?

Они отправились в ближайшее к институту кафе, и за чашкой кофе он стал рассказывать, изливая накопившееся в душе. А Снежана слушала не перебивая, с сочувствием кивая и бросая на него полные тепла и сострадания взгляды прозрачных голубых глаз.

– Я конечно понимаю, – говорил он, – ребенок важен, но она же совершенно обо мне не думает! Совершенно! Я перестал для нее существовать, превратился в робота, бездушное существо, предназначенное для обеспечения хороших бытовых условий для нее и ребенка. Больше я ни для чего не нужен. Понимаешь? Только подай-принеси.

– Понимаю, – кивала девушка.

– Но самое ужасное во всем этом, – Илья понизил голос до шепота и склонился ближе к собеседнице, сообщая то, что не предназначалось для посторонних ушей, – что я недавно понял: кажется я ее больше не люблю. Не люблю и не хочу. Да и как можно испытывать хоть какие-то сексуальные эмоции к такой женщине?! С этим ее огромным животом, как будто она целиком проглотила арбуз. Возможно, я уже больше не мужчина, потому что тело мое никак не реагирует на нее.

– Совсем никак? – округлила голубые глаза Снежинка.

– Совершенно. Вот такая тупиковая ситуация! Я живу с женщиной, которую не люблю и медленно превращаюсь в импотента. Но, собственно говоря, как мужчина я ее тоже давно не интересую.

– Значит, ты ее обманываешь? – девушка положила в рот кусочек шоколадного торта, серьезно, не отрываясь глядя на Илью.

– Обманываю?..

Вопрос собеседницы вдруг заставил Илью задуматься. А ведь и правда, он обманывает Иру. Он скрывает от нее горькую правду. А обманывать некогда дорогого ему человека не хорошо, не красиво, подло!

– Да, выходит, я обманываю ее и себя. И своей ложью, или утаиванием правды, я обрекаю и ее и себя на жизнь с нелюбимым человеком! Бедная Иришка, она не заслужила такой судьбы. Вообще то она хорошая, добрая, простая и искренняя. Она заслуживает того, чтобы ее любили, носили на руках, заботились о ней от чистого сердца. А я... Я не могу, потому что разлюбил ее. Какое же я имею право продолжать обманывать и лгать?!

Мысль о том, что он не имеет права портить Ире жизнь, молнией сверкнула в его голове. И в вспышке этой молнии он увидел выход из ситуации.

– Я должен, просто обязан уйти от нее, оставить ее в покое, не портить ей больше жизнь! – воскликнул он с воодушевлением.

– Совершенно согласна с тобой! – заявила Снежана. – А за это нужно выпить! Пойдем ко мне, я тут недалеко живу. У меня к Новому году две бутылки шампанского заготовлены. Одну могу пожертвовать. Да и коньячок где-то был.

Он продолжал пребывать в состоянии легкого потрясения от внезапно пришедшего решения, а она уже тянула его к себе домой, в уютную однокомнатную квартирку, где в шкафчике на кухне действительно хранились и бутылки с шампанским, и остатки коньяка, и вермут и сухое вино...

Он и сам не понял, как оказался в постели с однокурсницей. Наверное, шампанское и коньяк, а заодно вермут и сухое совсем затуманили голову. Но он с таким радостным упоением погрузился в опровержение собственной импотенции, что забылся глубоким, спокойным, умиротворенным сном только под утро, обнимая восхитительно стройное, обворожительно юное тело своей случайной собеседницы.

Проснувшись в чужой постели в незнакомой квартире, Илья испытал замешательство. Но у его новой знакомой оказался такой легкий, веселый характер, что замешательство быстро прошло. А сама она была такой милой, такой нежной, такой обольстительной, что из постели они вылезли лишь часа через полтора, подгоняемые чувством голода.

«Есть же нормальные девушки! Без слез, без истерик, без претензий» – думал Илья, возвращаясь в ненавистный дом. Он мысленно уже готовился к громкому выяснению отношений с Ирой, но квартира была пуста. Странная, тревожная тишина встретила его. Он зашел на кухню и бросил взгляд на гору немытой посуды в раковине. В комнате на разложенном диване кавказскими хребтами громоздились скомканные одеяло и подушки, смятые простыни.

– Ира, ты где? – почему-то шепотом спросил он и прислушался, как будто Ира могла спрятаться в шкафу или под столом. А в душе тонкой струной завибрировала тревога.

Бесцельно и растерянн бродя по квартире, Илья обнаружил на журнальном столике записку. На мятом листке бумаги, вырванном второпях из ученической тетрадки, нервным, неровным почерком, словно буквы плясали от страха, было написано: «Началось... Вызвала скорую. Увозят в роддом. Ира». Илья подержал в руке записку и обессиленно рухнул на диван.

Он встретил ее из роддома с букетом цветов. Здорово похудевшая, без этого гигантского уродливого живота, бледная, но совершенно счастливая, Иришка всю дорогу домой в такси без умолку болтала, рассказывая в леденящих душу подробностях про свое пребывание в роддоме. В руках она держала сверток с новорожденным. Илья отказался взять ребенка в руки, сказав, что боится уронить. Хотя, на самом деле, ему просто было неприятно прикасаться к этому существу, рождение которого перевернуло всю привычную жизнь.

– Ой, Илюша, а какие тут акушерки строгие, просто ужас! Только и командовали: «дыши!», «тужись!». А доктора ничего, добрые. Правда я так испугалась, когда сказали, что будут зашивать после родов...

Илья поморщился и отвернулся к окну. Только этих подробностей не хватало! Она что, не понимает, что не стоит такое рассказывать ему? Пусть своим подружкам потом рассказывает. А мужчинам знать все это совсем не обязательно. Будь она поумнее, промолчала бы...

– А когда Ванечка родился и мне его показали, – голос ее невольно дрогнул от нахлынувших эмоций, – я расплакалась. Он такой маленький, такой трогательный. И заплакал так жалобно, что у меня в груди все перевернулось!

Илья бросил косой взгляд на сверток. Под кружевами в голубом одеяльце смутно виднелось детское личико. Младенец спал.

Поднявшись в квартиру под неумолчный щебет молодой матери, Илья открыл дверь своим ключом и посторонился, пропуская в коридор ее с ребенком на руках. Ира с восторгом осмотрелась по сторонам, заметив и детскую кроватку с подвешенной над ней разноцветной музыкальной каруселькой, и новенькую красивую коляску для сына.

– Ах, Илюша, какой же ты молодец! Как здорово! Вот, теперь у Ванечки все есть. Какая красивая колясочка! А кроватка то... прямо как из глянцевого журнала!..

Положив сверток с ребенком на диван, Иришка стала рассматривать, осторожно, с благоговением трогая кончиками пальцев новые вещи, купленные на деньги отца Ильи. А Илья мялся на пороге, не раздеваясь, так и оставшись в коридоре.

– Илюша, а что ты не проходишь?.. – наконец заметила его замешательство и уставилась на него своими большими серыми глазами с удивлением.

– Я ухожу, Ира. – будто выплюнул давно липнувшую к языку горькую, неудобную фразу Илья.

– Куда? В магазин за продуктами? Не торопись, Илюша, успеешь еще. Давай я тебе нашего малыша покажу. Смотри, какой он красивый. Мне кажется, он на тебя похож.

– Ира, я совсем ухожу. У меня другая женщина.

Мелодичный звук случайно задетой детской карусельки над кроваткой был сродни взрыву снаряда. Нежные, чистые звуки как осколки застучали по барабанным перепонкам. Захотелось спрятаться, укрыться от их смертоносной силы. Лицо Иры вытянулось и застыло нелепой маской испуга и недоверчивой полуулыбки.

– Что ты говоришь, Илюша?

Она пошла к нему, протягивая тонкие руки в каком-то жалком, цепляющемся жесте. И Илья испугался. Испугался, что сейчас начнутся слезы, мольбы, просьбы, угрозы. И эти изящные, ласковые пальцы железной хваткой вцепятся в него и уже не отпустят никогда. Он отступил к двери.

– Ира, прошу тебя, ничего не надо говорить! Только не сейчас. Прости, но я не готов стать отцом, просто не готов. Мне еще рано. Я слишком молод. Надо подождать лет до 30—35. Вот тогда да, тогда я смогу. Определюсь в жизни, твердо встану на ноги и смогу обеспечить семью. – Он торопливо пытался защититься словами от ее страшных, удивленных, все еще не верящих глаз. – Я буду вам помогать. Буду оплачивать эту квартиру, покупать продукты. Ты звони, если что-то будет нужно. Я помогу...

Она молчала и медленно, шаг за шагом приближалась к нему. А в душе Ильи поднималась настоящей цунами паника. Если он сейчас же не уйдет, произойдет что-то ужасное. Он дрожащей рукой положил у зеркала в прихожей связку ключей, отсекая себе всякую возможность вернуться, резко повернулся к ней спиной, распахнул дверь и бросился вниз по лестнице, чувствуя, как пульсирует кровь в ушах, в голове, заглушая все другие звуки.

Ира стояла в коридоре перед распахнутой дверью и как сквозь вату слышала удаляющиеся по лестнице шаги того, кого она любила больше всего на свете, кого искренне считала смыслом своей жизни. Она не сразу услышала, как заплакал ребенок...

Друзья поймали Илью после занятий в институте, когда он неспешным шагом спускался по лестнице в главном корпусе, намереваясь отправиться в свой новый дом, к веселой и беспроблемной Снежинке.

– Илюха, – пробасил за спиной Тёмка, – ты куда понесся? В последнее время ты стал каким-то ускользящим. Только что был рядом, смотришь, а тебя уже нет, испарился.

Илья остановился и немного смущенно посмотрел на компанию старых друзей. Только их сейчас не хватало! У него не было никакого желания объясняться с ними. А объясняться придется, это он четко понимал, друзья все-таки. Он вздохнул и взглянул Тёмке в глаза.

– Как Иришка? – задал ожидаемый вопрос Сашка и расплылся в своей вечной добродушной улыбке.

– Не знаю, – безразлично пожал плечами Илья.

– Ее еще не выписали из роддома? Что, какие-то осложнения у нее или ребенка? – в голосе Алины зазвучала тревога.

– Вчера выписали, – буркнул себе под нос Илья. Ребята растерянно переглянулись.

– Что случилось, Илюха? – Тёмка положил свою медвежью лапицу на плечо Илье. Но тот недовольно стряхнул руку.

– Ничего не случилось... Просто я ушел от Ирки. Разошлись мы... Я встретил и полюбил другую... – с вызовом произнес Илья.

Очень хотелось закончить неприятные объяснения как можно скорее. Да и в конце концов, почему он, взрослый самостоятельный человек, должен им что-то объяснять? Кто они такие?!

– Снежанку, что ли? – ахнула Ника. – Эту стерву пергидрольную?!

– Сама ты стерва пергидрольная! – злобно оскалился на нее Илья.

– Ты что, бросил Ирку одну с новорожденным ребенком?! – Сашка загородил собой подругу, глядя на Илью круглыми, немного на выкате, потрясенными глазами.

– Это не ваше дело! Не лезьте в чужую жизнь, ребята! – Илья даже выпятил грудь, чтобы его слова прозвучали более убедительно. – Мы взрослые люди. Как-нибудь без вас разберемся.

Но Сашка, не слушая, уже попер на него и, не обращая внимания на снующих вокруг студентов и преподавателей, размахнулся и двинул кулаком Илью в лицо. Удар пришелся вскользь по скуле, голова мотнулась вправо. В следующую секунду три пары рук схватили Сашку, сдерживая вспышку ярости, а Илья повернулся спиной и рванул вниз по лестнице.

– Сволочь!! – Кричал ему в спину Сашка, весельчак и заводила в любой студенческой компании, выпивоха и тусовщик, верный, надежный дружбан Сашка.

– Идите вы все к черту! – огрызнулся в ответ Илья, чувствуя, как разливается по скуле жгучая боль, как клокочет в груди обида и ненависть, а к глазам подступают совсем не мужские, жалкие, жалобные слезы. Отчаянно захотелось, как в детстве, уткнуться в мамину юбку и, захлебываясь от несправедливости, высказать, выплеснуть всю свою боль. И чувствовать мамины добрые, ласковые руки на своем затылке, поглаживающие, успокаивающие, вселяющие уверенность, укрепляющие дух. Но не было рядом мамы, не было рядом друзей. Его все предали, бросили, никто не хотел понимать и принимать... Предатели!

Потирая ушибленный кулак, Сашка цедил сквозь зубы длинный список ругательств, а девочки его успокаивали.

– Ладно, Саш, успокойся, – веско произнес Тёмка, – поехали.

– Куда? – взглянула на него Алина вопросительно.

– Как куда? К Ирке. Ей наверняка помощь нужна. По ходу, помочь ей больше некому. Она же сирота...

И все четверо, не споря и не обсуждая поступок бывшего друга, отправились на автобусную остановку.

Елена Михайловна отложила в сторону разделочный нож и прижала ладонь к лицу. Неожиданно заныла скула, как будто ее кто-то ударил, а в сердце появилась зудящая боль. С чего бы это?

Она помешала ложкой в кастрюле, вдохнув ароматный аппетитный пар, и отправилась в комнату за тонометром. Может быть давление подскочило? Хотя обычно на фоне повышения давления у нее болел затылок, а не сердце. Но давление оказалось нормальным. В душе нарастала тревога. И когда с работы вернулся муж, Елена Михайловна с порога попросила его позвонить сыну.

– Да я ему уже второй день дозвониться не могу, – ответил Константин Алексеевич, снимая дубленку и потирая замерзшие руки в предвкушении сытного домашнего обеда. – Вчера вечером звонил, сегодня утром звонил. Не берет трубку, паршивец. Занят, видимо.

– Позвони еще раз! – попросила жена, глянув на него с тревогой.

– Да что за паника? Ты же сама сказала, что он взрослый и самостоятельный, и нечего вмешиваться в его жизнь. – Константин Алексеевич прошел на кухню и сел за стол, всем своим видом проявляя готовность насладиться кулинарными изысками супруги.

– У меня сердце не на месте. Вдруг что-то случилось? Ведь ребенок уже должен был родиться. Почему он сам не звонит?

– Занят, наверное. Освободится – позвонит. Лена, я очень голоден! У меня с утра во рту маковой росинки не было! Давай пообедаем, а потом позвоним.

– Костя, позвони сейчас! – умоляюще взглянув на мужа, Елена Михайловна стала накрывать на стол.

Константин Алексеевич, недовольно поджав губы, все-таки достал свой мобильник и долго вслушивался в уходящие в пустоту гудки вызова.

– Трубку не берет...

Супруга села за стол напротив и твердо произнесла, глядя мужу прямо в глаза:

– Поехали к нему, Костя. Я чувствую, что-то нехорошее случилось. Прямо сейчас поехали!

– Может, я сначала поем? – Но в ее глазах плескалась такая тревога, что он отложил в сторону обеденную ложку, с сожалением взглянул на тарелку супа и, прихватив кусок хлеба со стола, жуя его на ходу, стал собираться в путь.

– Мой материнский инстинкт говорит, что надо срочно ехать, – пыталась объяснить Елена Михайловна, быстро застегивая зимние сапоги в прихожей.

– Странно, что этот самый инстинкт так долго молчал и вдруг, ни с того, ни с сего, заговорил! – ворчал муж, всовывая руки в рукава еще не успевшей отогреться с мороза дубленки.

– Молчал, пока все было хорошо. А теперь что-то стряслось. Поехали, поехали! – она схватила второпях сумочку и, не застегнув шубу, выбежала из квартиры вперед мужа. – Это я во всем виновата! Всю жизнь тряслась над ним как курица над цыпленком. А стоило ему проявить независимость, бросила одного, без помощи, без поддержки, без материнского совета...

Ира сидела на кухне у обеденного стола, прислонившись спиной к холодной стене и положив бессильные руки на колени. Взгляд ее блуждал по кухне, словно, не узнавая привычные вещи. А нелепая мысль билась в мозгу пойманной птицей: «Неужели Зима сумела вползти в квартиру с улицы?». Ведь окрашенные в желтый цвет стены, разноцветные чашки в сушилке, старая, выцветшая, поцарапанная ножом, клеенка на столе с большими желтыми подсолнухами, ситцевые занавески в цветочек на окне, почему-то из цветных стали серыми. Черно-белая гамма Зимы непостижимым образом распространилась на вещи в квартире, делая их тусклыми и невзрачными.

Ира с легкой тревогой посмотрела на новенькую детскую коляску в коридоре, которая совсем недавно была сине-голубой, но и она теперь сочетала в себе лишь разные оттенки серого. Это было странно... Исчезновение цвета сопровождалось и приглушением всех звуков, будто уши заткнули ватой. Стук своего сердца она теперь слышала громче и отчетливее, чем шум проезжей части под окнами, что не давал спокойно спать по ночам.

Издалека до нее доносился противный тревожащий звук, но ей казалось, что это гудит сирена какого-то автомобиля на улице, пока не присоединился стук и мощные удары не стали сотрясать входную дверь, а дверная цепочка не стала зримо плясать и подпрыгивать. Кто-то ломился в входную дверь. Ира с усилием поднялась и пошла открывать, двигаясь замедленно и плавно, словно сквозь толщу воды.

Едва она открыла дверь, в квартиру вломились, тараща на нее встревоженные глаза, незнакомые мужчина и женщина. Ира не знала их. И это ей было совершенно безразлично.

– Ира? Ира! Что случилось?! – вопрошала незнакомая женщина лет сорока, сбрасывая с плеч дорожную шубу. – Мы уже минут десять звоним, стучим, а ты не открываешь!

Десять минут?.. Значит и время замедлилось, стало тугим и вязким. Как странно... Слабое беспокойство шевельнулось где-то на задворках сознания и застыло, словно умерло.

– Ты почему не открывала?

– Я не слышала... – пробормотала в ответ Ира и не узнала собственного голоса.

– Где Илья? – продолжала допытываться женщина.

Ира безразлично пожала плечами. Ее лицо стало застывшим и резиновым и напоминало безжизненную маску, на которой не отражалась ни одна эмоция.

– Он ушел.

– Куда ушел?.. – подал голос незнакомый мужчина в дубленке.

– Совсем ушел... к другой женщине... Он меня бросил... бросил... бросил... – она продолжала механически повторять короткое слово и вслушивалась в гулкую пустоту внутри, густым туманом, как мягким облаком, окутывающую безбрежный океан боли и отчаяния в душе.

Мужчина и женщина переглянулись.

– А почему плачет ребенок? – незнакомка, бросив верхнюю одежду на стул, не спрашивая разрешения, пошла в комнату. – Когда ты его кормила?

Ответом ей снова было безразличное пожимание плечами.

– Не помню... У меня молоко пропало... – язык с трудом шевелился в мучительных попытках извлечения звуков.

– Как пропало? – женщина метнулась в комнату к детской кроватке, в которой жалобно не то плакал, не то поскуливал младенец. Еще совсем недавно (а может, давно? время, как и весь мир, стало другим...) его плач был звонким и требовательным, но никто не реагировал на его отчаянный призыв так долго, что силы кончились.

Ира, замерев у стены в коридоре как мраморное изваяние, тупо и безразлично наблюдала за тем, как чужая и совершенно незнакомая ей женщина укладывает ребенка на диван и начинает его переодевать. Если бы сейчас эта незнакомка причинила бы ребенку боль, Ира бы продолжала с полным безразличием наблюдать, будто смотрит на все происходящее, как на экран телевизора.

– Господи, дети, дети, что вы натворили? Он же мокрый, холодный, голодный. – Причитала женщина, стаскивая с малыша мокрый памперс. – Костя, поднимай все свои связи. Нужен хороший врач – психиатр или психотерапевт. Видишь ведь, она не в себе! А я займусь внуком. Ира, где детское питание? – но в ответ снова вялое пожимание плечами.

Мужчина взялся за телефон. И в этот момент раздался звонок в дверь.

На пороге стояли ребята – сокурсники Ильи.

– Здравствуйте, – растерянно пробормотал Тёмка, увидев родителей бывшего друга.

– Как вы вовремя, ребятки! – воскликнула Елена Михайловна, баюкая на руках слабо попискивающего младенца. – Вы зачем пришли?

– Помочь хотели, – хором ответили девочки.

– Замечательно! Это просто замечательно! Значит так, – начала раздавать команды, как полководец на поле битвы, Елена Михайловна, – девочки, раздевайтесь и бегом на кухню за уборку. А мальчики пойдут в магазин и в аптеку. Надо купить детское питание.

Все забегали, засуетились. И только Ира, словно замороженная, безразлично наблюдала за всем со стороны, присев на кухонную табуретку и бессильно уронив руки на колени. Зима, словно посланная коварной Снежной королевой, тихо и незаметно проникла в, еще недавно полный тепла и жизни, дом, а теперь просочилась и в ее душу, вымораживая все внутри, покрывая колким инеем, сковывая все человеческие чувства, все переживания, медленно и неизбежно превращая в кусок льда.

После того удара по лицу с Ильей что-то произошло, будто кулак Сашки задел не только скулу, но и нарушил что-то важное и хрупкое в душе. И вот уже опасная трещина зазмеилась по поверхности. Илья замкнулся в себе и стал рассеянным. В голове его звучал бесконечный оправдательный монолог, адресованный то ли друзьям, то ли родителям, то ли Иришке, то ли самому себе. Но оправдаться не получалось. Все его аргументы, вся стройная система доказательств, как волна о камень, разбивалась о засевшее занозой в душе безымянное, неприятное чувство, не дающее спокойно есть, спокойно спать, не дающее нормально жить.

Судьба добила его одним ударом, которого он совершенно не ожидал. Вернувшись как-то в свой новый дом после института незадолго до Нового года, Илья застал Снежинку в постели с каким-то хлыщом со старшего курса. Красотка без тени смущения, мило улыбнувшись, предложила ему присоединиться. А хлыщ, вальяжно развалившись на подушках, мерзко хохотнул, заметив растерянность и смущение Ильи:

– Не-е, не присоединится. Он у нас чемпион в парном разряде, а не в групповом.

Илья схватил свой полупустой рюкзак и вылетел из квартиры с ощущением прилипшей к рукам, к лицу, к душе грязи, от которой мучительно хотелось отмыться. Выйдя в мороз на улицу, он остановился, потому что идти больше было некуда.

Тусклый зимний день засыпал спешащих прохожих мелким, похожим на крупу, снегом. Предновогодняя суета накладывала на лица людей отпечаток праздничных забот и предвкуше-

ния чуда. Вот только Илья уже никаких чудес не ожидал, и даже немного боялся. Сюрпризов и подарков для него уже было достаточно.

Он медленно шел по улице, надвинув пониже капюшон куртки, укрываясь от ветра, швырявшего прямо в лицо колючий снег. Его несколько раз толкнули торопящиеся за покупками прохожие. Он с трудом увернулся от охапки пакетов и коробок с подарками в руках толстой тетки, восторженно трещащей на ходу по телефону. В воздухе, пропитанном запахами выхлопных газов и свежей выпечки, доносившейся из грузинской пекарни, висело стойкое ощущение близкого праздника, отчего Илья чувствовал себя совсем одиноким и никому ненужным.

Он не заметил, как ноги сами его принесли к дому, в котором несколько дней назад он оставил Иру с ребенком. Медленно, преодолевая внутреннее сопротивление, он поднялся по лестнице и позвонил в квартиру. Резкий, тревожный и нетерпеливый звук звонка разорвал тишину. Но дверь никто не открыл. Он позвонил еще раз, потом еще... Ни скрипа, ни шороха в ответ. Илья спустился вниз и вышел на улицу, задрал голову, долго вглядывался в пустые окна квартиры. Никого... Куда Ирка делась?

Он сел на лавочку возле пустой детской площадки. Снег и ветер разогнали детвору и их мам и бабушек по домам готовится к Новому году. Снежная крупа засыпала ледяную горку и смешную маленькую карусель. А порывы стылого ветра раскачивали детские качели, и те возмущенно поскрипывали, постанывали недовольно.

Сидеть было холодно. Мороз постепенно заползал в рукава, за шиворот, леденил ноги. Придется звонить родителям, думал Илья, сжимая в кармане куртки теплый брусок мобильного телефона. Этот звонок был для него символом капитуляции, позорным выбрасыванием белого флага. Он не справился с ролью взрослого и самостоятельного человека, ничего не смог им доказать, впрочем, как всегда. Потому что он слабак, ничтожество...

Вот сейчас он позвонит и услышит голос отца и будет долго, молча и терпеливо выслушивать родительскую отповедь. Отец скажет что-нибудь значимое и весомое, что впечатается в память надолго, что-то типа «Способность к совокуплению еще не делает тебя мужчиной, сын!». А что делает? Что именно превращает мальчика в настоящего мужчину? Что вообще делает человека взрослым? Где и как он переходит последнюю невидимую грань, отделяющую детство от взрослости?

Илья поежился под порывами ветра и натянул рукава куртки на кисти рук. Так было немного теплее. Мама наверняка сначала накричит, отругает, не стесняясь в выражениях. Она вспыльчивая, в отличие от отца, но отходчивая. И он, Илья, снова почувствует себя маленьким мальчиком и, раскрыв уши и распахнув настежь душу, станет слушать ее нравоучения. А она устроит настоящий «разбор полетов», как когда-то в школе устраивала разбор его сочинений, раскладывая все по полочкам, объясняя, втолковывая, вдавливая прописные истины в его непутевую голову. Илья улыбнулся своим мыслям. Ох, как же ему нужен был этот «разбор полетов»! Как необходимо было разложить по полочкам весь последний год жизни! Как важно было понять, где и когда он допустил ошибку?

И в чем была эта ошибка? Он чувствовал, но никак не мог облечь в слова, что принял за любовь нечто совсем другое. Но что же тогда есть любовь? Как отличить настоящее чувство от ненастоящего? Почему об этом ничего не пишут в школьных учебниках? И вообще, нафиг ему эти интегралы и дифференциалы, когда для жизни гораздо важнее уметь разбираться в людях? Кому нужна теория относительности, если он запутался в человеческих отношениях, как в муха паутине? В голове его теснились десятки важнейших вопросов, ответы на которые необходимо было найти, но он не знал где и как...

Он достал из кармана телефон и посмотрел на темный экран. Оставалось просто нажать кнопку... Родители, конечно, примут его. И он вернется в родной дом, как нашкодивший щенок, виновато поджав хвост. И будет весь вечер отогреваться маминым горячим чаем

с медом и пряными травами... От мысли о мамином чае с травками проснулось чувство голода. И он сразу вспомнил об Ире. У нее же за эти несколько дней, наверное, кончились продукты. Неужели она в такую погоду пошла с ребенком в магазин? Но он тут уже полчаса сидит под окнами, а ее все нет. Куда она делась? Вернулась в общагу? Вряд ли. Ведь ей с ребенком нужна отдельная комната. Кто же ей даст, да еще под самый Новый год?

Рождение ребенка было ошибкой. Конечно, ошибкой... Но, как ее теперь исправить? Родить обратно не получится... А, может, не ошибкой? Интересно, считали ли родители его появление на свет ошибкой? Нет, конечно! У них была счастливая, крепкая семья. Он всегда чувствовал любовь и заботу близких. Его любили так сильно, что он даже уставал от этой любви, пытался спрятаться от настойчивой родительской заботы, сопротивлялся их постоянным попыткам «подстелить соломки» ему, чтобы не ушибся. Вот и до сопротивлялся на свою голову!.. Иришка в детдоме была избавлена от всех излишеств семейных отношений по причине отсутствия семьи. Будет ли счастлив его сын, Ванечка, от такой свободы? Как он будет жить, если некому будет «подстелить соломку»?..

В душе стало так мутно, что он поспешил набрать номер отца и приложил телефон к замерзшему уху. Гудки вызова пробегали по всему его телу длинными волнами противной, мелкой дрожи. Пора было возвращаться в тепло, пока совсем не замерз и не простудился.

– Пап, привет, это я...

– Ну, наконец то! А то пропал совершенно! Давай быстро домой! – скомандовал отец строгим голосом, и Илья невольно выпрямил спину.

– А что случилось?..

– Что случилось?! Ты не знаешь?!

– Нет... – от этих вопросов в глубине души зашевелилась тревога, заворочалась медведем, внезапно разбуженным в берлоге посреди зимы.

– Да мы тут с матерью зашиваемся с ребенком! Твоя помощь нужна.

– С каким ребенком?.. – совсем растерялся Илья.

– С твоим, олух царя небесного, с твоим, с Ванечкой, нашим внуком!

– А где Ира?..

– Ира в больнице с тяжелым нервным срывом. Врачи говорят, что она не меньше месяца еще пролежит там. А ребенок, естественно, у нас. Так что не задавай глупых вопросов, а быстро приезжай!

И короткие гудки отбоя полетели в снежную круговерть. Илья посидел минуту, пытаясь собраться с мыслями, сунул телефон в карман, надвинул поглубже капюшон и вскочил с занесенной снегом скамейки, побежал к автобусной остановке, чувствуя, как все дрожит внутри то ли от холода, то ли от тревоги.

На автобусной остановке скопилась толпа народа. Еще бы! Скоро Новый год. Люди спешили купить последние подарки своим близким, подготовить все к празднику. А дома ждала наряженная ёлка, сверкающая цветными гирляндами, переливающаяся блестящей мишурой.

Илья представил новогоднюю ёлку у них дома. Отец всегда к празднику ставил ёлку, несмотря на то, что сын уже вырос и последние пару лет встречал Новый год в компании друзей в каком-нибудь модном клубе. Но ёлка оставалась символом семейного праздника, как яркий, разноцветный якорь, удерживала корабль жизни вблизи родного дома. И всегда напоминала о детстве, об ожидании чуда, о долгожданных подарках, о любви и заботе родителей... А ведь для Вани это будет первый Новый год в его жизни!

Подождал автобус. Илья влез в заднюю дверь и постарался просочиться сквозь толпу в середину салона. Толстые шубы и пуховики, объемные сумки и пакеты в руках пассажиров. Он положил ладонь на плотно набитый рюкзак на спине какого-то парня, пытаясь протиснуться мимо него. Тот обернулся и мазнул по лицу Ильи холодным и острым, как нож, взглядом.

Откровенная неприязнь в его черных, чуть раскосых азиатских глазах неприятно кольнула в самое сердце, вклинившись диссонансом в радостную предпраздничную мелодию толпы.

Вот, придурок, думал Илья, продолжая двигаться прочь от недружелюбного пассажира. Мог бы догадаться снять рюкзак со спины и держать в руке. Мешает же людям! Он остановился в середине автобуса и посмотрел на странного парня. Жиденькая черная бородка обрамляла суровое, совсем молодое лицо. А взгляд черных глаз уже не стрелял по сторонам, сверкая стальным блеском, а затух, погрузившись внутрь, в никому неведомые глубины, будто тот медитировал, зажатый со всех сторон людьми. Узкие, жесткие губы шевелились, словно тот читал молитву. Вдруг яркий румянец полыхнул по его щекам и тут же сменился мертвенной бледностью. И волна необъяснимого страха захлестнула сознание Ильи.

Он дернулся и попытался пробиться вперед, ближе к выходу через переднюю дверь, повинаясь инстинкту самосохранения. Чужие локти впивались ему в бока, он спотыкался о чьи-то ноги, в уши летели недовольные возгласы тех, мимо кого он прорывался вперед. Он с трудом миновал середину салона, когда за спиной что-то оглушительно грохнуло и Илья полетел сквозь яркий, ослепительный свет и грохот во тьму...

Он пришел в себя от звона, нудного, монотонного звона в ушах, от которого голова разрывалась на части. Он лежал на чем-то мягком, но неудобном, сверху что-то давило, от чего трудно было дышать. Сквозь неумолчный звон доносились крики и стоны... Господи, где я?... Что произошло?... Сделав невероятное усилие, Илья выполз из-под груды одетых в зимние, мягкие и толстые шубы и куртки, тел. Кто-то был еще жив и тоже пытался шевелиться.

Из развороченного взрывом автобуса выползали, вываливались бесформенными кулями, окровавленные, изуродованные люди. Те, кто выжил. По чудом сохранившемуся стеклу стекали, оставляя красно-оранжевый след, какие-то омерзительные кровавые ошметки. Куски рваного железа торчали из тел. Живые выбирались сами, мертвые оставались лежать на том, что недавно было полом автобуса в лужах крови, над которыми в морозном воздухе поднимался легкий, мутный туман с острым тошнотворным запахом.

Илья вскарабкался на иссеченное осколками кресло и посмотрел вокруг. От задней половины автобуса ничего не осталось. Огромная машина, осев вниз, замерла на проезжей части искореженным чудовищем. Вокруг в оцепенении застыла вся улица, с ужасом заглядывая в разинутую жадную пасть смерти с торчащими, вывернутыми из своих мест пассажирскими сиденьями, со свисающими с потолка кусками обивки салона, с выгнутыми, помятыми, словно были бумажными, металлическими оконными рамами.

«Я живой!» Эта мысль вспыхнула в сознании яркой, удивленно-радостной вспышкой, от чего звон усилился. Илью замутило. Надо отсюда выбираться... Срочно выбираться... Руки его были в чьей-то крови и мелко дрожали, когда он, хватаясь за остатки кресел и металлических поручней, спотыкаясь о распростертые под ногами тела, выбирался из автобуса. Его оттолкнул какой-то человек в изодранной в клочья куртке, с безумными, выпученными от ужаса глазами. Не обращая на это внимания, Илья продолжал двигаться к выходу. Почему-то не в сторону оторванной взрывом задней части автобуса, а вперед, к передней двери.

Дверь выгнуло дугой и заклинило. Пострадавшие выбирались через разбитые окна. «Давай сюда!» – донеслось сквозь звон в голове до Ильи. Чья-то рука потянулась к нему через окно, задевая кожаным рукавом торчащие хищными акульными зубами осколки стекла. Он встал на сиденье уцелевшего кресла, чувствуя в ногах нарастающую слабость и зачем-то обернулся...

Она лежала под мертвой женщиной, огромной бесформенной тушей возвышавшейся в проходе между кресел. Ворсинки норковой шубы мертвеца слиплись от крови, а рукав был оторван вместе с рукой. Из-под окровавленной шубы торчал край ее светло-серой курточки, из-

под серой вязанной шапочки выбились длинные русые пряди, спутанные, выпачканные в чем-то буром и липком. А большие серые глаза бессмысленно, не мигая смотрели в потолок.

– Ира! Иришка! – закричал Илья, перекрывая криком непрерывный звон, заполнивший его голову, и, оттолкнув спасительный кожаный рукав, бросился назад, к ней.

Мешая другим выжившим, закрывая им путь к спасению, он опустился коленями в мокрую кровавую лужу и стал вытаскивать ее из-под тяжелого мертвого тела. «Потерпи, потерпи... Я сейчас... Ира, Ирочка... Иришка!» В груди kloкотали рыдания. Нет, она не может умереть! Не может! Потому что это чудовищно несправедливо! Потому что он не сможет жить, если она умрет!.. Оттолкнув в сторону невероятно тяжелый труп, он приподнял ее за плечи и потянул на себя. Голова в серой вязаной шапочке качнулась и свесилась на бок. Его сердце остановилось... Он дрожащими пальцами убрал с ее лица спутанные пряди русых волос. Безжизненные серые глаза слепо уставились в стену. Но это были глаза чужой, незнакомой девушки...

Илья обессиленно сел на пол и провел дрожащей ладонью по лицу, оставляя на лбу и щеках бурые полосы чужой крови. Он бы так и сидел, оглушенный своим открытием, возле погибшей, но чьи-то руки подняли его, поставили на ноги и подтолкнули к выходу.

На улице толпились люди, синими всполохами мигали машины скорой помощи и полиции. Ветер швырнул ему в лицо охапку колючего снежного крошева, и Илья вздохнул полной грудью морозный воздух. Звон в голове немного стих. Человек в синей форменной одежде осматривал его на подножке скорой. Немолодое узкое лицо было серьезным и сосредоточенным, а прикосновения рук точными, профессионально выверенными.

– Поехали в больницу, – сказал то ли врач, то ли фельдшер скорой помощи.

– Но, у меня ничего не болит! Только в голове шумит, – попытался возразить Илья.

– Еще бы! Шок у тебя, парень, вот и не болит. Посмотрим, что ты скажешь, когда шок пройдет. Поехали, поехали! Возражения не принимаются!

Человек в синем помог Илье влезть в машину, уложил его на носилки, и задвинул боковую дверь, садясь рядом с носилками.

– Скажите, а в больнице есть отделение, где лечат нервный срыв? – ему важно было знать. Ведь Ира, как говорил отец, была в больнице. Только он не знал, в какой.

– Все в больнице лечат, и шок, и нервный срыв, – ответил, по-отечески похлопав его по плечу и заботливо укрывая одеялом, человек в синем, – Пережить такое! Тут не только нервный срыв будет. Но ты держись, парень, у тебя еще вся жизнь впереди. Выжил в этой кровавой каше, значит жить будешь долго-долго. Примета такая.

Машина скорой помощи неслась под пронзительный вой сирены по улицам города, сквозь разыгравшуюся под вечер метель, в быстро сгущавшиеся сумерки. «Она не погибла! – думал Илья, лежа на неудобных носилках, – ее там не было, и не могло быть! Господи, она жива!» Пережитый ужас, задев ледяным крылом, отступил, оставив звенящую пустоту в душе. И эта звенящая пустота стала быстро заполняться вопросами: как мне ее найти? Что я ей скажу? Простит ли? Что делать, если не простит? Кто подскажет, как вымолить у нее прощение?.. И много-много других вопросов, на которые нужно, совершенно необходимо было найти ответы. И лишь на один вопрос, кажется, он сам, вслепую, без посторонней помощи, нащупал в тонкой материи мироздания ответ... Как отличить настоящую любовь от ненастоящей?

Панцирное сердце

– Наденька, милая, ну давай сходим! Говорят, эта женщина уникальная, – и в глазах такая мольба, что в душе моей все переворачивается. Хитрая у меня сестрица, знает, как задеть за живое.

– Вер, ну ты же знаешь, не верю я никаким гадалкам. Да и что она может сказать нового? Подтвердить приговор врачей? А не верить заключению известного профессора у меня нет никаких оснований.

– Надя, ну просто сходим и поговорим. Врачи ведь не боги. Если ты откажешься, я расстроюсь! А мне расстраиваться нельзя, ты же знаешь...

И лукаво так смотрит своими синими огромными глазищами. А вот это – запрещенный прием. Бессовестная хитрюга! Я обреченно вздыхаю и покорно киваю головой. Ну, действительно, как можно отказать беременной женщине? Опускаю взгляд на Верин округлый, уютный животик, прячущийся под шерстяным свитером. Интересно, кто у меня будет, племянник или племянница? Впрочем, какая разница? Это же такое счастье – малыш в доме!

– Вот и умница! Вот и молодец! – радостно щебечет сестра, торжествуя свою победу.

В квартире так называемой гадалки, как в фильмах про магов и волшебников, полумрак и душливый запах восточных благовоний. Господи, выдержать бы это испытание!.. На пороге комнаты нас с Верой встречает черноволосая, черноглазая дама в длинном темном платье. Глаза ее смотрят с прищуром, точно сканируя посетителей.

Приглашающий жест изящной рукой с длинными музыкальными пальцами с красным маникюром... Усаживаемся за круглым столом, покрытым старинной скатертью с шелковой бахромой. В тяжелых бронзовых подсвечниках горят свечи, трепеща яркими язычками пламени, освещая колоду карт на столе... Движения рук с красными ногтями завораживают, словно смотришь на руки фокусника. Карты необычные, крупные, со странными картинками. Я таких никогда не видела.

– Болезнь у тебя серьезная, – низкий, бархатный голос гадалки обволакивает, зачаровывает, как и движения рук.

Ну, это она от моей болтливой сестрицы узнала! Догадываюсь я и мысленно улыбаюсь неуклюжей попытке произвести на меня впечатление.

– Но ты не умрешь. По крайней мере не сейчас, – красный ноготь постукивает по карте с изображением женщины в длинном роскошном платье.

– У меня есть шанс дожить до завтра? – усмехаюсь я, не сумев сдержать скепсиса.

Ну, нельзя же так примитивно играть на вере любого человека, особенно больного, в чудо, на его надежде на выздоровление! Это не честно и даже подло! Но черноволосая женщина смотрит на меня своими внимательными, черными глазами, словно пытается заглянуть в самую душу.

– Можешь сама убедиться, здесь нет ни одной карты, указывающей на близкую смерть, – спокойно произносит гадалка, обводя ладонью карточный расклад. – Зато между тобой и болезнью стоит молодая женщина. Это твой защитник, даже спаситель. Через нее ты вернешь себе здоровье.

– Ну вот, Наденька, – встречается в разговор сестра, – есть еще надежда, есть! Надо верить! Нельзя поддаваться унынию и опускать руки!

Ох, ее бы устами да мёд пить... Но как я могу поверить словам какой-то гадалки, если сам профессор с чудесной фамилией Рассветов сказал...

За окном палаты солнечные лучи играют в трепещущей листве старой липы. Ее листья похожи на сердечки... Мое бедное, измученное болезнью сердце замирает в ожидании вердикта докторов. Что мне скажет профессор, когда получит результаты обследования? Господи, как же я устала от этих бесконечных обследований! Лентами кардиограмм, снятых за все те месяцы болезни, меня можно забинтовать как египетскую мумию! А бесконечные анализы, ультразвуковые исследования, рентгеновские, вот теперь еще и биопсия...

Для себя я решила, что слово профессора Рассветова будет последним. Может, силы мои иссякли и терпение кончилось, а может, просто фамилия у профессора убедительная, внушающая доверие. Разве может человек с такой фамилией обмануть? Что бы ни сказал, а на этом мои поиски и метания закончатся.

Он входит решительно, как всегда, не постучав в дверь, словно хозяин в доме. Безупречный белый халат, стремительные движения, резковатые, значительные черты лица, устремленный куда-то мимо меня взгляд... Мое сердце начинает биться так, что перехватывает дыхание. Спокойно, спокойно, Наденька, все будет хорошо, ты в надежных руках...

– Ну-с, Надежда Ивановна, я получил результаты вашей биопсии. К сожалению, обрадовать вас не чем, – спокойный голос, безразличные темные глаза. – Что бы вам, не медику, было понятно. В вашем сердце развивается опухоль. Заболевание очень редкое. Оперировать ее нельзя, технически невозможно. Вынужден констатировать факт, что помочь мы вам не можем. Увы.

Сердце спотыкается о невидимую преграду и ухает куда-то вниз, в пропасть... Неужели это опухоль, о которой говорит профессор, заставляет его куда-то падать, проваливаться?... Несколько мучительно долгих секунд прихожу в себя, собираю себя по кускам, чтобы задать вопрос:

– Сколько мне осталось, доктор?..

– Трудно сказать, – тонкие жесткие губы недовольно поджимаются. Профессор не любит вопросов, на которые у него нет четкого ответа. – Может полгода, может год. Мы не знаем скорость развития опухоли. Лечение я вам распишу и послезавтра, нет, завтра на выписку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.